

Вынужденное слово.

Въ трудахъ Академіи за 1900 г., мартъ, помѣщена наша небольшая замѣтка о нѣкоторыхъ брошюрахъ Н. Н. Неплюева, подъ заглавіемъ: „Современный моралистъ-соціологъ“. Этой замѣтки касается о. протоіерей П. Свѣтловъ въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1904, январь, при изложеніи воззрѣній г. Неплюева на царство Божіе. Именно, онъ пишетъ слѣдующее. „Адептамъ самодовольнаго застоя противенъ всякій призывъ къ улучшенію жизни: этимъ они оскорбляются въ самыхъ заветныхъ своихъ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ. Въ чрезвычайно небрежной бѣглой замѣткѣ нѣкоего Z, предназначенной однимъ взмахомъ пера превратить въ развалины труды цѣлой жизни, осуждается, какъ страшное преступленіе, именно это самое въ литературныхъ трудахъ Неплюева, и называется такъ странно звучащимъ для самодовольства именемъ пессимиста человѣкъ, полный вѣры въ добро и его торжество надъ зломъ“ (стр. 35).

Какъ видно, это однѣ только громкія фразы; по существу здѣсь ничего не сказано. О. Свѣтловъ не могъ насъ обличить (а это онъ несомнѣнно сдѣлалъ бы, если бы для этого былъ данъ нужный ему матеріалъ) въ томъ, что воззрѣнія г. Неплюева мы гдѣ-нибудь извратили, приписали ему то, чего въ его брошюрахъ, разсматриваемыхъ нами, вовсе нѣтъ, навязали ему всякія „ереси“ и т. п. Истинно христіанскаго настроенія г. Неплюева и мы не отвергали, а прямо выражались: „г. Неплюевъ—человѣкъ глубоко и искренно

вѣрующій“; онъ „искренно одушевленъ стремленіемъ къ осуществленію христіанскаго добра и вѣчной правды, и искренно желаетъ содѣйствовать осуществленію христіанской истины въ жизни другими людьми“ (стр. 546—547). Не то же ли самое говорить и о. Свѣтловъ, подтверждая свою мысль только пространными выдержками изъ сочиненій г. Неплюева?

Правда, г. Неплюева мы назвали пессимистомъ (стр. 548). Но каждому ясно и о. Свѣтлову, кажется, не нужно этого разъяснять, что пессимистомъ можно назвать не только того, кто потерялъ вѣру въ добро и въ его конечное торжество надъ зломъ, но и того, кто не видитъ этого добра въ жизни, не замѣчаетъ свѣта среди тьмы, на всѣхъ и все жалуется, о всемъ скорбитъ и плачется, все представляетъ въ сгущенныхъ темныхъ краскахъ. А въ такую именно крайность впалъ г. Неплюевъ, что и побудило его учредить „оазисы“ для спасенія человѣчества отъ „волчьего строя“ жизни. Такого характера воззрѣній г. Неплюева не отвергаетъ и самъ о. Свѣтловъ, когда пишетъ: „Весьма значительная часть литературныхъ трудовъ Н. Н. Неплюева посвящена разоблаченію печальнаго разлада современной quasi христіанской жизни во всевозможныхъ проявленіяхъ съ христіанскимъ идеаломъ и яркимъ иллюстраціямъ его въ области семейной, общественной и политической, церковной,— всюду. Всюду систематическое, хорошо организованное отрицаніе христіанства въ самомъ существѣ его,—въ любви; всюду отрицаніе любви, какъ основы жизни... всюду хаосъ вражды и раздѣленія“ и дал. (стр. 21). Неужели соглашаться съ признаніемъ существованія этого „систематическаго, хорошо организованнаго отрицанія христіанства“—значить быть защитникомъ прогресса, а писать: „оптимистическими мечтаніями никто, конечно, услаждать себя не можетъ и не долженъ, но и не усматривать нигдѣ въ нашей жизни проблесковъ свѣта и добра,—считать себя какъ бы совершенно одинокимъ въ своихъ добрыхъ стремленіяхъ, также трезво

мыслящему человѣку не подобаетъ“, — неужели писать это — значитъ быть „адептомъ самодовольнаго застоя“?... Нѣтъ, о. Свѣтловъ не даетъ себѣ яснаго отчета въ своихъ „громкихъ фразсахъ“... Ни о какомъ „страшномъ преступленіи“ въ напей замѣткѣ не было рѣчи; глубочайшее различіе между воззрѣніями г. Неплюева и Л. Толстого мы прекрасно понимаемъ и сказали только слѣдующее: „подобно гр. Л. Толстому онъ (т. е. г. Неплюевъ) ненавидитъ всею душою современное просвѣщеніе и современную культуру“ (ср. характеристику о. Свѣтловымъ воззрѣній Неплюева: „Что здѣсь видимъ? Матеріализмъ и натурализмъ въ наукѣ, философіи и искусствѣ, милитаризмъ и націонализмъ въ международныхъ отношеніяхъ, панперизмъ, капитализмъ въ социальнo-экономическихъ отношеніяхъ, конфессіонализмъ въ отношеніяхъ церковныхъ... капиталистическій строй современной цивилизаціи“ (стр. 21—22).

Мы, конечно, не обратили бы никакого вниманія на нѣсколько „теплыхъ словъ“, сказанныхъ по нашему адресу о. Свѣтловымъ. Мало ли что пишется? На всякое „чиханье“, какъ говорится, не наздравствуешься; самъ о. Свѣтловъ заявляетъ, что „критиканства теперь много, а критики нѣтъ“. Но тутъ присоединяется нѣчто уже совершенно иное. О. Свѣтловъ продолжаетъ въ названной статьѣ: „Этимъ исчерпывается вся замѣтка укрывшагося подъ Z неизвѣстнаго автора въ одномъ духовномъ журналѣ. Пусть будетъ неизвѣстенъ здѣсь и журналъ этотъ, извѣстный большинству духовныхъ читателей только мѣстомъ своего изданія и выдающеюся мертвенностью среди другихъ, сродныхъ ему, духовныхъ журналовъ“ (стр. 35. 36).

Такъ неприлично писать о. П. Свѣтловъ. А чтобы читатель скорѣе оріентировался на счетъ этого „неизвѣстнаго духовнаго журнала“, онъ подъ строкою ставитъ: „за 1900 г., кн. 3“. Какая дурная инсинуація, неприличная вообще, а тѣмъ болѣе о. П. Свѣтлову! И чѣмъ она вызвала? Нѣтъ

ли, что наше академическое братство не просить и не желаетъ участія въ своемъ органѣ мѣстнаго своеобразнаго богослова, считающаго себя едва-ли не выше другихъ русскихъ богослововъ, приобрѣтшихъ заслуженный авторитетъ, и такъ пренебрежительно въ своихъ статьяхъ относящагося къ нимъ? Или тѣмъ, что ему несимпатично строго-православное направление, котораго всегда держался и держится нашъ журналъ, при которомъ въ немъ не могли бы найтись мѣста статьи, подобныя напечатанной въ декабрьской книжкѣ Богословскаго Вѣстника за прошлый годъ и январьской за нынѣшній подъ заглавіемъ: „*Идея царства Божія въ русскомъ богословіи, болѣе годной для Новою Пути*“, чѣмъ для академическаго органа? Да будетъ же извѣстно о. Свѣтлову, что нашъ академическій органъ вовсе не нуждается въ его одобреніи, какъ ничего положительно не теряетъ и отъ его злой инсинуаціи. „Труды Академіи“ стяжали уже себѣ такую почетную ученую извѣстность, что подобныя вылазки представляются истиннымъ ребячествомъ. Нашъ академическій органъ никогда не служилъ и никогда не будетъ служить дешевому либерализму, такъ соблазняющему многихъ; онъ твердо поставилъ и твердо осуществляетъ свою задачу. Мы не желаемъ смущать почтенныхъ сотрудниковъ академическаго органа указаніемъ на превосходное достоинство ихъ работъ. Скажемъ только, что ни извѣстный Л. Толстой, ни Стаховичъ съ его пресловутою рѣчью, ни Розановъ и Мережковский съ ихъ защитниками и противниками, ни Деличъ съ его знаменитою теоріею и т. п. здѣсь не обойдены, а получили хорошее, объективное, научное освѣщеніе. Правда, Л. Толстой не восхвалялся; объ о. Петровѣ ничего не говорилось (Труды Академіи не любятъ входить въ праздныя словопренія и обличать противниковъ о. Петрова въ томъ, что отъ нихъ „вѣетъ Саламанкою и временами Колумба и Галлилея“); о строгости современной духовной цензуры не было рѣчи; о необходимости, съ точки зрѣнія

идеи царства Божія, учредить при университетахъ богословскіе факультеты также, насколько помнится, ничего не говорилось. Ученіе ап. Павла объ іудействѣ и язычествѣ разсматривалось, но разсматривалось не элементарно, не по школьнически, и нигдѣ не говорилось, что язычники находятся на периферіи царства Божія. О. П. Свѣтловъ не принадлежитъ, видно, не только къ почитателямъ, но и къ „читателямъ“ нашего академическаго органа.

Дурная вылазка о. протоіерея Павла Свѣтлова для насъ вполне понятна. Читая его статьи, не одинъ разъ, повторимъ, поражаешься самоувѣренностью ихъ тона, оскорбительнымъ отношеніемъ къ другимъ. Часто въ этихъ статьяхъ находишь почти огульное осужденіе нашего богословія въ отсталости, консерватизмѣ, „выскиваніи ересей“, въ зацѣплѣ ложнаго христіанства, пустого правовѣрія. Можно подумать, что у насъ только и есть одинъ богословъ,—о. П. Свѣтловъ, а всѣ остальные богословы только приносятся намъ, употребляя выраженіе о. протоіерея, „схоластическое тряпье“. Не слишкомъ ли возвышаетъ себя о. Свѣтловъ? Не находится ли онъ въ состояніи ученаго самообольщенія?.. Онъ вообще склоненъ къ преувеличеніямъ, къ поспѣшнымъ обобщеніямъ, когда, напр., обвиняетъ наше богословіе въ односторонне аскетическомъ пониманіи христіанства: какъ будто ничего въ другомъ родѣ у насъ и не написано. Самую простую мысль о. Свѣтловъ часто непремѣнно обострить, напр., когда пишетъ: „если Тертуліанъ называетъ душу человѣческую по природѣ христіанскою, а Іустинъ философъ—христіанами языческихъ философовъ Сократа, Пифагора и др., то, значитъ, въ извѣстномъ смыслѣ можно быть христіаниномъ безъ наставленій въ катехизисѣ“? Чтобы показать, что наше богословіе не уяснило идеи о царствіи Божіемъ, о. Свѣтловъ не чуждъ ссылокъ даже на наши проповѣди, гдѣ, конечно, точнаго научнаго богословствованія нельзя искать, и предъявлять

подобныя требованія къ проповѣдямъ, по меньшей мѣрѣ, странно. Впрочемъ, объ этомъ не будемъ распространяться, чтобы о. Свѣтловъ не подумалъ, что мы „выискиваемъ ереси“.

Любовь, любовь, любовь,—христіанство есть абсолютная религія любви: вотъ что особенно часто повторяетъ о. П. Свѣтловъ. Искренно пожелаемъ, чтобы въ своихъ статьяхъ онъ содѣйствовалъ укрѣпленію любви христіанской, водворенію христіанскаго единенія и единодушія, которыя ведутъ къ созиданію царства Божія на землѣ, а не плодиль безполезныхъ распрей.

Р. С. Въ февральской книгѣ Богословскаго Вѣстника за настоящій годъ помѣщена статья о. П. Свѣтлова „Старокатолическій вопросъ въ его новомъ фазисѣ“. Въ этой статьѣ ясно отражаются указанныя нами раньше черты богословствованія о. Свѣтлова. Всѣ наши видные авторитетные богословы хорошо разъяснили, что ученіе старокатоликовъ о Церкви заключаетъ „серьезныя неправильности“, не есть православное ученіе, а о. Свѣтловъ, вопреки имъ, всячески усиливается доказать, что это ученіе не заключаетъ въ себѣ ничего неправославнаго. Въ этомъ онъ глубоко убѣжденъ. Не убѣжденъ онъ только въ томъ, что „только восточная Церковь во всей чистотѣ сохранила вѣру православную“. Это, по его мнѣнію, можно утверждать только „при божественномъ всесвѣдѣніи“. Не убѣжденъ онъ и въ томъ, что восточная церковь имѣетъ сознаніе своей вселенскости. Почему? Потому что по старокатолическому вопросу о. Свѣтловъ и А. А. Кирѣевъ имѣютъ одно мнѣніе, а другіе,—„не только частныя лица, богословы, но и официальные представители церкви высказываютъ по нашему вопросу діаметрально противоположныя взгляды“. Аргументъ, какъ видимъ, замѣчательный, ясно показывающій всю глубину богословствованія

о. Свѣтлова. Не убѣжденъ о. Свѣтловъ и въ томъ, что для вселенской церкви нужна внѣшняя организація. „Будучи живымъ союзомъ, вселенская церковь всетаки лишена — пишетъ онъ — внѣшней организаціи, — это фактъ. Лишена въ настоящее время такой внѣшней организаціи даже и земная церковь, часть вселенской церкви: она не имѣетъ не только видимой внѣшней организаціи, но и никакого органа для выраженія совокупной вѣры и воли всей церкви, каковымъ можетъ быть и прежде быть только вселенскій соборъ. Болѣе того, нѣтъ ничего похожего на какую-либо внѣшнюю организацію даже среди единовѣрныхъ церквей востока, лишенныхъ взаимнаго общенія и живущихъ каждая особнякомъ, ибо нельзя же считать организованнымъ единеніемъ случайную и рѣдкую переписку и письменныя сношенія представителей церквей... Настаивать на абсолютной невозможности существованія церкви безъ внѣшней организаціи и отвергать такую церковь, какъ неистинную, это значитъ противопоставлять богословскія умозрѣнія и кабинетныя понятія реальной живой дѣйствительности въ качествѣ законовъ послѣдней, вмѣсто того, чтобы самими согласоваться съ нею“. Какой грубый, какъ видимъ, реалистъ о. Свѣтловъ!.. А чтобы его рѣчь о церкви еще болѣе была убѣдительною, о Свѣтловъ, приведи Рим. XI, 2—4, говоритъ: „спрашиваю, какая была „внѣшняя организація“ у этой совокупности 7000 вѣрующихъ изъ Израиля, лишенныхъ алтарей и пророковъ, но сохранившихъ въ своей твердой вѣрѣ для истиннаго Бога?!“. Это уже верхъ протестантскаго глубокомыслія!

Много есть и другихъ курьезовъ въ названной статьѣ о. Свѣтлова, хотя самъ онъ, съ обычнымъ ему приѣмомъ, отмѣчаетъ, какъ курьезъ, то, будто наши богословы (арх. Филаретъ и м. Макарій) „въ полемикѣ съ протестантскимъ ученіемъ о церкви излагаютъ свое воззрѣніе на отношеніе въ ней двухъ сторонъ (т. е. видимой и невидимой) въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ съ современными нѣмецкими богословами“. Очень полезное открытіе сдѣлалъ о. Свѣтловъ!

Послѣ этого нельзя не пожалѣть о томъ, что о. Свѣтловъ сожалѣетъ, „что, къ ущербу надлежащаго успѣха въ обсужденіи у насъ старокатолическаго вопроса, статья (т. е. статья еп. Сергія Ямбургскаго) обходитъ молчаніемъ препятствіи для ея утвержденій въ видѣ моихъ возраженій, которыя останутся препятствіями, пока ихъ не опровергнуть“. Мнимы—скажемъ—препятствія, хотя для усиленія этихъ препятствій, которыя нашимъ богословамъ настоятельно будто бы необходимо преодолѣть, о. Свѣтловъ и дѣлаетъ вышительную ссылку на свое „докторство“.